

В. И. ПИЧЕТА В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ – ЦЕНТРАРХИВЕ РСФСР (1918–1923 гг.)

Т. И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, 125993, Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

В статье раскрывается подвижническая деятельность в первые послереволюционные годы будущего первого ректора Белорусского государственного университета Владимира Ивановича Пичеты по спасению архивов. В. И. Пичета являлся главным инспектором Главархива и руководил работой инспекторов и губернских уполномоченных ГУАД по собиранию документального наследия и организации провинциальных архивов в сложные годы Гражданской войны.

Анализируется организаторская работа Пичеты по подготовке съезда губернских уполномоченных (1919), а также 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. В качестве руководителя Научно-теоретическим отделом создавал разборочные комиссии в провинции и поверочную комиссию в центре, благодаря деятельности которых были спасены в условиях бумажного голода многие ценные архивные фонды от передачи на бумажные фабрики. Являлся членом редакционно-издательской коллегии Центрархива, способствуя публикаторской работе.

Ключевые слова: В. И. Пичета; Главное управление архивным делом; Центрархив; главный инспектор; Поверочная комиссия; съезд губернских уполномоченных; архивоведческая мысль.

V. I. PICHETA IN THE MAIN DEPARTMENT OF ARCHIVAL AFFAIRS – THE CENTRAL ARCHIVE OF THE RSFSR (1918–1923)

Т. I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities
Miuskaya pl., 6, 125993, Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

The article reveals the selfless activities of the future first rector of the Belarusian State University, Vladimir Ivanovich Picheta, on saving archives in the first post-revolutionary years. V. I. Picheta was the chief inspector of the The Main Archive Department and supervised the work of inspectors and provincial commissioners of The Main Department of Archival Affairs on collecting documentary heritage and organizing provincial archives during the difficult years of the Civil War.

The article analyzes the organizational work of Picheta on the preparation of the Congress of provincial commissioners (1919), as well as the First All-Russian Conference of archival activists. As the head of the Scientific and Theoretical Department, he created debriefing committees in the province and a verification committee in the center. Thanks to the activities of those committees, many valuable archival funds were saved from being transferred to paper mills in the conditions of acute paper shortage. He was a member of the editorial and publishing board of the Central Archive, contributing to publishing work.

Key words: V. I. Picheta; The Main Department of Archival Affairs; Central Archive; chief inspector; Verification Committee; Congress of provincial commissioners; archival thought.

Многогранная деятельность Владимира Ивановича Пичеты по спасению архивов в условиях Гражданской войны в России в должности главного инспектора Главного управления архивным делом (ГУАД, с 1922 г. – Центрархива РСФСР), на которую он был назначен в ноябре 1918 г., нашла отражение в научных трудах М. Ф. Шумейко [1, 2, 3, 4]. В фонде Главархива в ГАРФ нами выявлены документы периода становления ГУАД, ключевую роль в котором играл В. И. Пичета, позволяющие дополнить картину его подвижнической работы. Важнейшим направлением его деятельности стали контроль за положением архивного дела на местах и спасение провинциальных архивов.

19 мая 1919 г. В. И. Пичета также становится членом Коллегии ГУАД и решает злободневные вопросы, связанные с сохранением документального наследия на местах, в связи с чем ездит по всей стране, выявляя и собирая гибнущие архивы, занимаясь организацией новых архивов: Московского губернского архива, военных архивов и т. д. Восстановим хронологию и географию его поездок, отражающих напряженную работу по спасению документального наследия страны. Так, 27 ноября 1918 г. он осуществил перевозку архива бывшего Комитета по делам печати [5, л. 7–8 об.]; 10 января 1919 г. – осмотр военного архива в Смоленске [5, л. 47–49]; в начале 1919 г. спасен архив бывшего Пажеского корпуса, подвергшийся «варварскому и дикому разгрому»: архивный фонд музея был разбросан и выкинут из хранилищ; 31 января 1919 г. – организация Московского губернского архива [5, л. 62]; в феврале 1919 г. – в Сергиев Посад; 21 марта 1919 г. Пичета приступил к разборке архива Высших женских курсов в Петербурге [5, л. 101], 28 марта 1919 г. – перевозка архива Воинского присутствия в Московский губернский архив, 11 апреля 1919 г. командирован в Харьков для установления контакта с местным отделом наробразования по вопросу об архивных фондах [5, л. 122–123 об.]; в августе 1919 г. – состоялась командировка в Рязань, где он решал вопросы, связанные с перевозкой архивов в создаваемый им Московский губернский архив, 2 марта 1920 г. – докладывал о необходимости принятия мер к охране архива Московской окружной конторы народного банка [6, л. 82]; 24 мая 1920 г. – снова командирован в Харьков для установления контакта с Украинским правительством по делам архивов [6, л. 109].

В результате инспекторских поездок Пичеты по провинции и возник институт уполномоченных Главархива, который был первым шагом к централизации архивного дела в провинции. Позже Пичета вспоминал, что

беспризорное состояние провинциальных архивов вследствие ликвидации прежних архивных комиссий и побудило Московское областное управление архивным делом обратить внимание на охрану архивов в провинции. При помощи института инспекторов Московское областное управление приступило к обследованию состояния архивов на местах: «положение архивного дела в провинции было отчаянное: местные власти относились более чем равнодушно к архивному делу, архивные работники все исчезли». Приезжавшим инспекторам приходилось отыскивать прежних архивных деятелей и призывать их к новой архивной работе. Работа уполномоченных протекала при очень трудных условиях, при отсутствии всякого аппарата и денежных средств, но «при наличии враждебного отношения новой революционной власти», – отмечал Пичета [7, л. 110], и, несмотря на это, уполномоченные Главархива проделали огромную работу.

Пока Россия находилась в состоянии Гражданской войны, полномочия Главархива распространялись только на губернии, где установилась советская власть. В освобожденных губерниях направляемые Пичетой инспекторы также помогали губернским уполномоченным Главархива.

В конце 1918 г. уполномоченные ГУАД начали работу в десяти губерниях: Ярославской, Владимирской, Тамбовской, Тверской, Вологодской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Смоленской и Петрозаводской. В 1919 – 1920 гг. их число значительно увеличилось. В подчинении Пичеты находились инспекторы, среди них – архивовед, литературовед Н. Ф. Бельчиков; архивист, библиограф, высланный в 1922 г. из Советской России и ставший одним из создателей Русского заграничного исторического архива в Праге А. Ф. Изюмов; архивовед, филолог М. С. Вишневецкий, в то время сотрудник созданного в январе 1919 г. Хранилища частных архивов, и другие деятели, внесшие вклад в формирование Государственного архивного фонда. Их отчеты о мероприятиях по охране документальных материалов, организации губернских и уездных архивов, состоянии и степени сохранности усадебных и частновладельческих архивов регулярно рассматривались Коллегией Главархива. Таким образом, роль связующего звена в системе отношений между с одной стороны государством и обществом, а с другой – центральными, местными, ведомственными и частными архивами, возлагалась на институт инспекторов Главархива в центре и уполномоченных – на местах. Можно сделать вывод, что к началу 1920-

х гг. создание ЕГАФ предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества. В России было то, чего не было ни в одной другой стране мира – историческое отношение к архивам как к внутренне целостным живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присущим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства. Именно такой подход, впервые сформулированный на этапе возникновения классического архивоведения, характерен для первого состава корпуса инспекторов Главархива.

На состоявшемся в июне 1919 г. съезде губернских уполномоченных ГУАД, который готовился и был организован под непосредственным руководством М. К. Любавского и В. И. Пичеты, делегаты рассказывали об архивной разрухе в провинции и о том, что архивисты нередко рассматриваются представителями советских органов на местах как чуждые новой власти, занимающиеся «ненужным делом». Активный участник архивной реформы В. И. Пичета вспоминал, что среди представителей новой власти, как в центре, так и на местах, находилось немало сторонников самого радикального решения вопроса о делах и документах упраздненных ведомств и учреждений. Старая Россия, говорили они, умерла, теперь строится совершенно новая жизнь, новые порядки... Для них не представлял никакого интереса «старый бумажный хлам», накопившийся при прежних учреждениях, от которого надо как можно скорее избавляться – сжечь или сдать на бумажные фабрики, освободить от него помещения и не тратить на его содержание народные деньги. Таким образом, – отмечал Пичета, – подверглись уничтожению дела некоторых судебных учреждений, нотариусов, духовных консисторий и т. д. «Но, к счастью для русской науки, среди деятелей центра нашлись просвещенные люди, сознающие, какую научную ценность имеет для России ее архивное достояние». Итогом рассуждений автора стали следующие знаменательные слова: «Как ни мала наша деятельность, она все-таки была не бесполезна. Существование Главного управления архивным делом принесло большую пользу, так сказать, психологическую: у архивного дела нашелся хозяин. .... Не создайся ГУАД – с нашими архивами могло бы случиться недопустимое – они были бы уничтожены» [7, л. 112].

Поэтому принятие неотложных мер по спасению архивного достояния, а также организация архивов и органов архивного управления в

губерниях и налаживание их работы в условиях Гражданской войны стали основными направлениями деятельности Пичеты как главного инспектора ГУАД.

Таким образом, Главархив принял неотложные меры по их охране, собиранию и концентрации в государственных хранилищах.

Выступая на съезде уполномоченных Главархива, В. И. Пичета заявил, что с созданием Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Главархива исполнилось заветное желание Д. Я. Самоквасова и многих других ученых об объединении архивов в особом ведомстве и создании особого министерства архивов, для которого «архивы были бы предметом попечения и правительственных забот, а не обременительным балластом казенных помещений» [7, л. 113].

Помимо Д. Б. Рязанова, Пичета называл в числе создателей «архивного» Декрета коллективы петроградских и московских ученых, во второй половине июня установивших окончательно как схему организации Государственного архивного фонда, так и редакцию положений о Главном и областных управлениях архивным делом. Деление ГАФ на секции и отделения Пичета признал далеким от совершенства, в большой степени искусственным, поскольку «все наши крупные архивы, образовавшиеся исторически, содержащие в себе дела разного рода, никак не укладываются в намеченные рамки. Чтобы распределить архивный фонд по названиям рубрик, надо было бы пересортировать содержимое в архивах, что немислимо ни с какой точки зрения». Впрочем, успокаивает он, речь идет только об административной схеме централизованного управления архивными учреждениями, а не о реальном перемещении или перетасовке документальных фондов.

Не все уполномоченные Главархива приехали в Москву: на съезде из-за Гражданской войны присутствовали уполномоченные только центральных губерний. Поэтому Пичета осознавал необходимость созыва нового совещания уже в более расширенном составе участников для обсуждения не только очередных вопросов текущих, но и вопросов теоретического характера с привлечением для этой цели архивистов Москвы и Петрограда. Была образована комиссия в составе М. К. Любавского, С. К. Богоявленского, А. Ф. Изюмова, Н. Ф. Бельчикова и В. И. Пичеты для выработки программы съезда. Однако комиссия нашла преждевременным съезд архивных деятелей, так как архивная реформа «была на полном ходу», и дальнейшее ее осуществление требовало разрешения целого ряда неотложных практических вопросов. Комиссия

предложила созвать новое совещание уполномоченных в августе 1920 г., но «общие политические условия и продовольственные затруднения не позволили собраться» [8, с. 108].

Новая коллегия ГУАД во главе с М. Н. Покровским, пришедшая к руководству архивным делом в августе 1920 г., поручила разработку плана и организации 1-й Всероссийской конференции Коллегии Научно-теоретического отдела, куда вошел и заведующий Научно-теоретическим отделом Пичета. Кстати, с 27 августа 1920 г., со времени прихода к руководству ГУАД М. Н. Покровского и создания затем новой коллегии В. И. Пичета не участвует в заседаниях Коллегии.

Прежде всего охарактеризуем атмосферу, сложившуюся накануне 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. Отечественные архивисты в начале 1920-х гг. ощущали себя в «новой, необычайно напряженной культурно-исторической атмосфере», вызванной, как писал об этом периоде участник всех событий в архивной жизни А. Е. Пресняков, «резким изменением всех привычных перспектив быта и мышления». Для многих из отечественных интеллигентов конец десятилетия совпадает с личными катастрофами: насильственным прекращением профессиональной деятельности и репрессиями. Духовный голод конца 1920-х гг. стал как бы зеркальным отражением голода физического и лишений начала десятилетия.

В журнале «Дела и дни» констатировались многочисленные смерти ученых на почве истощения, которые свидетельствовали о тяжести для ученых условий жизни. Бесстрастные протоколы Академии наук сообщали, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц – что за смертью второго работа переходит к третьему, затем – новое постановление о передаче работы за смертью третьего – к четвертому. Только за год скончались, вследствие болезней, развившихся на почве истощения организма, от недоедания и непосильной физической работы, академики А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, профессора С. А. Венгеров, Н. Н. Марков.

На фоне этой трагедии административные мероприятия представителей новой архивной власти интересовали архивистов в гораздо меньшей степени, чем кардинальный вопрос спасения традиций отечественной культуры. Именно поэтому, видимо, была столь насыщенной научная жизнь в эти сложные годы: врачи и микробиологи исследуют процесс собственного умирания и выступают с докладами

«Голодание с хирургической точки зрения» и «Биология голодной смерти». Одновременно в Доме ученых С. Ф. Платонов читает цикл лекций на тему «Смутное время в научном освещении».

Все это отдельные эпизоды, разрозненные факты, но они и составляют существо той «культурно-исторической атмосферы», в которой жили, работали и умирали отечественные историки и архивисты.

В противоборстве двух подходов к науке и культуре вообще, и к архивному строительству, в частности, прошли по существу последующие годы. Это противоборство и отражено в работе состоявшейся 29 сентября – 3 октября 1921 г. 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, созванной новым руководством в противовес петроградской конференции архивных деятелей, проведенной за год с небольшим до Всероссийской, в мае 1920 г.

После оглашения регламента конференции заведующий НТО В. И. Пичета познакомил ее участников с деятельностью Главархива за три года, а также с его современной конструкцией. О последнем должен был делать доклад член Коллегии Главархива В. В. Максаков, но вследствие болезни об этом доложил Пичета.

Содержание доклада В. И. Пичеты следующее. Он отметил, что идея централизации архивов была идеей, возникшей давно, и только «вследствие целого ряда препятствий, стоявших на пути централизации архивного дела, она не могла быть осуществлена». Отсутствие правильной организации архивного дела в значительной степени мешало развитию исторической науки. Февральская революция открыла широкий доступ в архивы, однако ничего не сделала для реформы архивного дела. Пичета не побоялся напомнить, что Октябрьская революция сначала для целого ряда архивов имела катастрофическое значение. Так, во Владимире на третий день революции был сожжен дворянский архив; такая картина наблюдалась и в других местах. Спасение архивов производилось по личной инициативе отдельных лиц, но, «разумеется, личная инициатива, не поддержанная авторитетом власти, не могла иметь значения». Декрет от 1 июня 1918 г. стал первым шагом к организации архивного дела на новых началах к реализации централизации архивного дела и создал ГУАД, на которое была возложена реализация реформы.

Поскольку институт уполномоченных был учрежден в порядке коллегиального постановления, а не декретирования, необходимо было законодательным путем оформить юридическое положение института уполномоченных, в результате чего был издан декрет 31 марта 1919 г. «О

губернских архивных фондах» (об организации губернских архивных управлений).

Этот декрет 1919 г. положил прочное основание централизации архивного дела в провинции. Но Пичета напомнил и о том, что крайняя нужда в бумаге заставила Главбум в Москве и Губбум в провинции вместе с Центроутилем и Губутилем смотреть на архивы как «на бумажную массу, подлежащую переработке на бумажных фабриках». Эти учреждения под влиянием жестокой необходимости были «довольно настойчивы и бесцеремонны в своих требованиях» [8, с. 106]. Именно поэтому целый ряд архивных фондов был подвергнут утилизации без согласия и ведома Главархива.

Отметим, что еще 5 ноября 1920 г. В. И. Пичета и А. А. Трояновский докладывали об отборе архивных материалов Лефортовского архива для передачи в Главбум, и высказывались о необходимости обследования деятельности военных архивов. После обсуждения и обмена мнений было постановлено образовать комиссию для обследования состояния и работы московских военных архивов в составе В. Н. Сторожева, В. И. Пичеты и А. А. Трояновского. Пичета призвал снести с Главбумом по вопросу о необходимости возвращения в Лефортовский архив некоторых материалов, ошибочно переданных ему для переработки. По мнению Пичеты, в Разборочной комиссии при Главархиве необходимо обязательное присутствие представителя заинтересованного архива [9, л. 95].

В. И. Пичета же напомнил в 1924 г. делегатам Всебелорусской конференции архивных работников, что сразу после революции Малый Совнарком РСФСР составил проект об уничтожении всех архивов, кроме дипломатических и экономических, дабы удовлетворить насущные потребности бумажного голода, но проект Малого Совнаркома, дойдя до В. И. Ленина, был остановлен и в «Большой Совнарком» не попал. В соответствующих инстанциях был даже разработан проект об уничтожении, через передачу в Главбум, большей части имевшихся налицо архивных фондов. «К счастью, этот проект погиб при прохождении его через соответствующие инстанции» [10, с. 16].

Одновременно Пичета работает в разборочных комиссиях в провинции и Поверочной комиссии и контролирует, чтобы передача архивных документов производилась с соблюдением соответствующих условий, исключающих возможность уничтожения документов, имеющих крупную ценность и значение. Комиссии были снабжены детально

разработанной В. И. Пичетой и его единомышленниками инструкцией, которой следует руководствоваться при разборе документов для передачи последних на утилизацию. 12 ноября 1920 г. для разрешения вопроса о взаимоотношениях ГУАД и образуемых в федеративных республиках и трудовых коммунах архивных управлений, в частности, с Башкирским архивом, образована комиссия. По докладу Пичеты о ходе работ комиссии постановлено: выработанные Пичетой пункты положения и инструкции размножить и разослать и в другие регионы [11, л. 14–14об].

Разработанная Научно-теоретическим отделом под руководством Пичеты инструкция стала вершиной отечественной архивоведческой мысли.

Деятельность разборочных комиссий в период 1919–1920 гг. была очень оживленной, хотя протекала, как отмечал Пичета, «при самых неблагоприятных условиях, вследствие постоянного давления и даже угроз со стороны Главбума и Центроутиля».

Помимо этого, он участвовал в подготовке Рижского договора и связанных с ним решений по передаче части польских архивных документов, хранящихся в белорусских архивохранилищах. 14 мая 1920 г. для выявления материалов по польскому вопросу образована комиссия в составе М. К. Любавского, В. И. Пичеты, С. К. Богоявленского, С. К. Шамбинаго [6, л. 106–106 об], чему посвящена одна из научных статей М. Ф. Шумейко.

14 января 1921 г., т. е. через полгода после прихода нового руководства, Пичета подает заявление об отставке, по-видимому, внутренне выражая несогласие с политикой архивного руководства. Однако, несмотря на удовлетворение его заявления, новая коллегия, учитывая высочайший профессионализм Пичеты, через несколько месяцев уговорила его вновь вернуться к работе. Так, 4 мая 1921 г. он назначен членом коллегии НТО [12, л. 24].

7 сентября 1921 г. Пичета назначен в редакционно-издательскую коллегия [12, л. 38]; 16 июня 1921 г. вновь назначается заведующим Научно-теоретической частью ГУАД; одновременно в 1920–1921 гг. он является председателем Комиссии при Наркомпросе РСФСР по содействию организации БГУ; 4 ноября 1921 г. Пичете поручается создать Комиссию под его же председательством по разработке проекта Положения и программы Архивно-археографического института. В декабре 1921 г., накануне закрытия Петроградского и Московского археологических институтов, создана специальная комиссия по

учреждению Архивно-археографического института для подготовки архивистов, в которую вошли 12 профессоров и преподавателей Архивных курсов при обоих археологических институтах и соответствующих петроградских и московских вузов: А. С. Николаев, М. К. Любавский, А. Е. Пресняков, И. Л. Маяковский, В. В. Шереметевский, Д. Н. Егоров, С. К. Богоявленский, М. М. Богословский, В. И. Пичета, А. Н. Савин, Н. Ф. Бельчиков, А. Н. Филиппов, а также два представителя пострязановского архивного руководства – В. В. Максаков и В. М. Фриче.

В результате комиссия представила два проекта создания предлагаемого вуза – московских архивистов (В. В. Шереметевский) и петроградских архивистов. На трех заседаниях комиссия разработала учебный план, рассчитанный на 3-летний период обучения, который, однако, не был реализован.

Уже будучи ректором Белорусского государственного университета, в ноябре 1922 г. Пичета входит в Поверочную комиссию Главархива, а также в президиум Научно-организационной коллегии Центрархива [13, л. 71].

В мае 1924 г. Пичета уполномочен быть представителем Центрархива на совещании белорусских архивистов [14, л. 13].

Такова была деятельность Владимира Ивановича Пичеты в первые послереволюционные годы – уникального Человека и выдающегося Ученого.

Библиографический список

1. Шумейко М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4. Минск. 2009. С. 233–247.
2. Шумейко М. Ф. Личный фонд первого ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты в Архиве Российской Академии наук // Архивы и делопроизводство. 2010. № 5. С. 102–113.
3. Шумейко М. Ф. В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 3–14.
4. Шумейко М. Ф. Пичета Владимир Иванович // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 26. С. 305–306.
5. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6.
6. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 122.
7. РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3.
8. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–133.
9. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 223.
10. Первая Всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г.: Док. и материалы. Минск: БелНИИДАД, 1999. 148 с.
11. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 209.

12. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 267.
13. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 831.
14. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 606.